

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Н. Земсков

DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.10749

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ (вторая половина 1944 г.)

Аннотация: Вопрос о возвращении на Родину советских военнопленных, насильно угнанных в Германию граждан СССР и беженцев является одним из наименее изученных в исторической литературе. Вплоть до конца 1980-х годов документация по этому вопросу в нашей стране была засекречена. Отсутствие источниковой базы и, соответственно, объективной информации породило вокруг него много мифов. Это относится к ряду публикаций, издававшихся как на Западе, так и в нашей стране. Нередко можно встретить тенденциозный подбор фактов и предвзятое их толкование. В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам, среди которых особое место занимает документация образованного в октябре 1944 г. Управления Уполномоченного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавлял генерал-полковник Ф.И. Голиков, бывший руководитель военной разведки). Эти материалы и послужили основным источником для автора при подготовке настоящей статьи. Кроме того, в аналитической работе над темой использованы документы Государственного Комитета Оборона (ГКО), Управления делами СНК (Совета Министров) СССР, Секретариата НКВД/МВД СССР, Отдела спецлагерей (проверочном-фильтрационных лагерей) НКВД СССР.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, СССР, Вторая мировая война, репатриация, ГКО, НКВД, военнопленные, безопасность, СНК.

В 1944 г. сотрудники органов репатриации еще не имели представления о том, сколько же из уведенных противником за пределы СССР советских граждан осталось в живых и подлежит репатриации, хотя и присутствовало правильное понимание того, что речь, скорей всего, идет о многих миллионах людей. По нашим расчетам, опирающимся на итоговые данные ведомства Ф.И.Голикова на 1952 г. относительно количества как репатриантов, так и «невозвращенцев», получается, что к концу войны осталось в живых около 5 млн советских граждан, оказавшихся за пределами Родины, из них свыше 3 млн находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн – в зоне действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и другие страны)¹. Большинство из них составляли «восточные рабочие» («остарбайтеры»), т.е. советское гражданское

население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны. Уцелело также примерно 1,7 млн военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику (эта цифра складывается из 1550 тыс. военнопленных, репатриированных к середине 1947 г. в СССР², и максимально допустимой оценки численности военнопленных-«невозвращенцев» в 150 тыс. человек). Сюда же входили сотни тысяч отступивших с немцами с территории СССР их пособников и всякого рода беженцев (часто с семьями). Всю эту массу людей принято называть «перемещенными лицами».

подавляющее большинство советских перемещенных лиц находилось на территории тогдашней Германии (рейха), и в рассматриваемый период, т.е. во второй половине 1944 г., они еще были недосягаемы для репатриации. Фактически советские перемещенные лица находились во всех европейских странах, подвластных или союзных Германии.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 81–82; Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 5–6.

² Там же. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 54. Л. 53; Д. 55. Л. 135.

Даже в нейтральные Швейцарию и Швецию сумели просочиться тысячи беглых военнопленных и «восточных рабочих». Реально же тогда, в последние месяцы 1944 г., можно было репатриировать советских граждан (военнопленных и гражданских лиц) из Финляндии, Румынии, Болгарии, Швеции, а также с части территории Польши, Чехословакии, Югославии. В зоне действия союзников десятки тысяч советских перемещенных лиц выявились во Франции, Италии и некоторых других странах.

Из документов ведомства Ф.И. Голикова можно заключить, что хотя высшее советское руководство осенью 1944 г. и было обеспокоено сообщениями из англо-американских источников о том, что большинство советских военнопленных будто бы враждебно настроено к Советскому правительству и не желает возвращаться в СССР, достоверность этой информации подвергалась сильному сомнению. Исходили из того, что советские военнопленные, как правило, являлись лицами не буржуазно-помещичье-кулацкого происхождения, а выходцами из простых рабочих и крестьян, и у них вроде бы не должно было быть серьезных объективных причин для ненависти к Советскому правительству.

В дальнейшем из различных источников, в том числе по линии внешней и военной разведок, были получены подтверждения, что основная масса советских военнопленных и интернированных гражданских лиц желает возвратиться на Родину и остается просоветски настроенной. Вот, например, выдержка из письма начальника Главного Разведывательного Управления Красной Армии И.И. Ильичева на имя Ф.И. Голикова от 26 октября 1944 г.: «...Среди английских офицеров, работающих с русскими военнопленными в лагере Кэмптон Парк (пригород Лондона), имеется некий капитан Филипсон – русский белогвардеец, настоящая фамилия которого Солдатенков. Филипсон-Солдатенков производил большое количество допросов советских военнопленных с целью получения сведений о Красной Армии... Филипсон-Солдатенков утверждает, что основная масса русских пленных желает возвратиться в СССР и не является враждебно настроенной к Советскому правительству, хотя и опасается расследований, ожидающих их по возвращении домой»³. Здесь речь идет о тех советских пленных, которых англичане взяли в плен в бою, в немецкой военной форме.

Относительно последних официальные советские представители обращались к союзникам

с просьбами отделить их от немецких военнопленных и обеспечить им лучшие условия существования в плену по сравнению с немцами, неизменно подчеркивая при этом, что это *советские граждане*. В мотивации таких просьб не последнее место занимали соображения о поддержании соответствующего престижа Советского государства. Фактически советское руководство взяло под защиту подданных СССР, попавших в английский и американский плен в немецкой военной форме.

Глава американской военной миссии при посольстве США в Москве Д. Дин в письме от 8 ноября 1944 г. на имя помощника начальника Генштаба Красной Армии по внешним сношениям Н.Славина отмечал: «Когда Вы сообщили мне о том, что советские военнопленные жаловались на плохое к ним отношение со стороны американских войск во Франции, я немедленно запросил об этом генерала ЭЙЗЕНХАУЭРА. Сегодня утром я получил следующую информацию:

Генерал ЭЙЗЕНХАУЭР заявляет, что до 6 июня, дня нашего вторжения, советским властям был предложен вопрос, какой дадут они ответ генералу ЭЙЗЕНХАУЭРУ относительно желаемого места расположения советских солдат, которые служат в немецкой армии и которые могут попасть в плен к союзникам. Генерал ЭЙЗЕНХАУЭР заявляет, что полученный им от советских властей ответ был таков, что, поскольку количество русских людей, служащих в немецких войсках, очень незначительно, то вопрос этот не поднимался. Учитывая это обстоятельство, он заявляет, что с советскими солдатами, находившимися в рядах немецкой армии и попавшими в плен к союзникам, обращались точно так же, как и с немецкими военнопленными. Около месяца назад генерал ВАСИЛЬЕВ обратился в штаб генерала ЭЙЗЕНХАУЭРА с просьбой изолировать советских солдат, служивших в немецкой армии и попавших в плен, от немецких солдат и предоставить им лучшие условия жизни. Чтобы выполнить это пожелание, были приняты немедленные меры. Однако к тому времени насчитывалось уже 28 000 советских пленных солдат и обеспечить их лучшими условиями было уже довольно трудной задачей... Генерал ЭЙЗЕНХАУЭР заявляет, что, по общему мнению, условия содержания русских военнопленных не были удовлетворительными, но что они постепенно улучшаются и скоро достигнут высокого уровня...»⁴.

Коллаборационисты имели сравнительно небольшой удельный вес в составе советских гражд-

³ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3.

⁴ Там же. Д. 16. Л. 2.

дан, оказавшихся за пределами СССР. Подавляющее большинство советских граждан составляли лица, находившиеся в концлагерях, лагерях для военнопленных, арбайтлагерях, штрафлагерях и по месту жительства хозяев. Хотя они и подвергались усиленной идеологической обработке со стороны геббельсовской и власовской пропаганды, эффект от этого был весьма слабый.

Вот только некоторые штрихи из практики пропагандистской работы нацистов с советскими военнопленными и «восточными рабочими». Широко употреблялся тезис о «мести Советов» с целью их запугать и оборвать в их сознании всякую духовную связь с Родиной. Много говорилось о том, что Сталин от них якобы «отреся» и поэтому им возврата на Родину нет. Агитаторы обычно подчеркивали, что те из них, кто поступит на «военную службу» (имелась в виду служба в немецкой или власовской армии), будут равноправными с немцами. Гитлеровцы организовывали праздничные мероприятия, приуроченные к Пасхе, Рождеству, дню рождения Гитлера и др., которые посвящались «великой дружбе немцев и русских». В оценке роспуска Коминтерна (весна 1943 г.) нацистская пропаганда, по-видимому, не могла прийти к единому мнению. В агитационной работе с советскими невольниками Третьего рейха это событие интерпретировалось по-разному. Давались обычно два объяснения (приводим их в виде выдержек из опросов репатриантов): 1) «немцы нам говорили, что в России теперь нет коммунистов; Россия возвращена к царизму, и теперь там будет всем владеть англо-американский капитал»; 2) «ликвидацию Коминтерна немцы объясняли как большевистский трюк, рассчитанный на обман, так как большевики теперь руководят скрытно». Когда в Красной Армии были в начале 1943 г. введены погоны, появился новый пропагандистский тезис: «Россия возвращается к старым порядкам, уже введены погоны и мордобой»⁵.

Вся эта пропаганда оказалась не способной привить основной массе советских военнопленных и «восточных рабочих» чувство ненависти ни к советским руководителям, ни к их союзникам – англо-американским «плутократам». В их среде по-прежнему с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. Этим людям, конечно, беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам рассле-

дования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т.д., но больше всего их волновала совсем другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к «иностранщине» и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину. *Большинство советских перемещенных лиц боялось не того, что им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз.*

Приведем одно свидетельство. В докладной записке сотрудников торгпредства А. Синяка и М. Пашинина от 19 сентября 1944 г. на имя и.о. торгпреда СССР в Великобритании П.И. Соловьева говорилось: «Будучи в командировке во Франции с 13-го по 17-ое сентября 1944 г., мы были свидетелями большого передвижения по дорогам Франции у Вердена русских людей, угнанных немцами в разное время из СССР. Эта процессия движущихся полузамученных людей в одиночку и группами, мужчин, женщин, детей и стариков представляет исключительно жалкую картину. Полуодетые, в лохмотьях, босые, в случайных головных уборах, до цилиндров включительно, без знания французского языка и Франции – движутся вереницы недавних немецких рабов, а сейчас фактически нищих людей, по направлению к Верденскому лагерю для русских... Из разговоров с отдельными группами людей установлено, что все они направляются американскими властями в город Верден, где для их приема организован специальный лагерь... Однако ни одного русского представителя нет ни в лагере, ни по дорогам... Зная об этом, американские солдаты и офицеры, а также французы задают довольно недвусмысленные вопросы о том, что мы (русские) предполагаем делать со своими людьми, почему нет наших представителей здесь и т.д. А сами пострадавшие, узнав, что мы русские, со слезами радости на глазах спрашивают: “Вы из комиссии приехали, чтобы увезти нас домой?”»⁶.

Перед советским руководством проблема возвращения больших масс советских граждан, угнанных немцами и по другим причинам оказавшихся за пределами СССР, вплотную встала в августе 1944 г., когда части Красной Армии перешли государственную границу с Польшей. 24 августа 1944 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 6457сс, специально посвященное возвращению на Родину советских граждан, оказавшихся по разным причинам за пограничной

⁵ Там же. Д. 9. Л. 5–6.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 12–13.

линией между СССР и Польшей. Из содержания этого постановления ГКО вытекало, что политика высшего советского руководства в данном вопросе была достаточно ясной и недвусмысленной, а

именно: все эти советские граждане, безусловно, должны быть возвращены в СССР. Ниже приводится полный текст постановления ГКО № 6457сс от 24 августа 1944 г.:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 6457сс от 24 августа 1944 г. Москва, Кремль

В целях организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно уведённых немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей, Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Обязать НКВД СССР обеспечить пропуск через пограничную линию между СССР и Польшей и фильтрацию возвращающихся на Родину советских граждан, насильно уведённых немцами, а также и по другим разным причинам оказавшихся на территории Польши, организовав для этой цели необходимое количество контрольно-пропускных пунктов на пограничной линии и проверочно-фильтрационных пунктов – в ближайшем тылу.

Поручить товарищу Берия утвердить дислокацию пунктов и порядок приема и фильтрации прибывающих советских граждан.

2. Обязать военные советы фронтов и армий, действующих на территории Польши, организовать сопровождение указанных в п. 1 советских граждан до проверочно-фильтрационных пунктов НКВД, обеспечив в пути следования питанием.

3. Обязать Совнарком УССР и Совнарком БССР в пятидневный срок выделить и передать НКВД СССР для организации проверочно-фильтрационных пунктов в местах, по указанию НКВД СССР, соответствующие помещения, в том числе по БССР в пяти пунктах на 15 000 человек; по УССР в шести пунктах – на 20 000 человек.

4. Обязать НКО (т. Хрулева) оказать НКВД СССР необходимую помощь в организации и оборудовании проверочно-фильтрационных пунктов, обеспечив их автотранспортом, горючим, продовольствием и хозяйственным инвентарем.

5. Обязать Совнарком УССР (т. Хрущева) и Совнарком БССР (т. Пономаренко) оказывать необходимую материальную помощь советским гражданам, прошедшим проверку на пунктах НКВД и направляющимся к постоянному месту жительства, путем выдачи особо нуждающимся из них денежных пособий и предметов одежды.

Поручить т. Микояну рассмотреть заявки СНК УССР и БССР и выделить для этой цели необходимое количество одежды, белья и обуви.

Обязать Наркомторг СССР (т. Любимова) обеспечить питанием этих лиц в пути следования к местам постоянного жительства.

Разрешить СНК УССР и БССР организовать отделы СНК по приему и устройству гражданского населения, возвращающегося из освобожденных Красной Армией территорий.

6. Принять содержание проверочно-фильтрационных пунктов на госбюджет по смете НКВД СССР, решив оплачивать все расходы, связанные с содержанием этих пунктов, за счет остатков кредитов, ассигнованных НКВД, из резервного фонда СНК СССР на расходы по спецпереселенцам.

7. Обязать Госплан СССР (т. Вознесенского), начиная с 1 сентября, выделять по заявке НКВД СССР дополнительные фонды на продовольственные товары по нормам ГУЛАГа НКВД для проверочно-фильтрационных пунктов на все количество проходящих через эти пункты лиц.

8. Возложить на Наркомздрав (т. Митерева) и начальника Главного Военно-Санитарного Управления НКО (т. Смирнова) санобработку и медико-санитарное обслуживание возвращающихся из Польши советских граждан на проверочно-фильтрационных пунктах и в пути следования.

9. Обязать НКПС (т. Кагановича) обеспечивать перевозки возвращающихся советских граждан с проверочно-фильтрационных пунктов к местам их жительства, по заявкам НКВД СССР и СНК УССР и БССР с централизованным расчетом за перевозки через Наркомфин СССР.

10. Обязать НКО (т. Смородинова, т. Голикова) выделить на формирование трех отдельных батальонов конвойных войск НКВД для охраны проверочно-фильтрационных пунктов 250 человек офицерского и 1500 человек рядового и сержантского состава из числа ограниченно годных.

Обязать НКО (т. Хрулева, т. Яковлева и т. Пересыпкина) выделить в обеспечение формирования этих батальонов положенное по табелям и нормам вооружение, снаряжение, автотранспорт и имущество связи по заявкам НКВД.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В. МОЛОТОВ*

*) РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 296. Л. 237–239.

В последние месяцы 1944 г. и в 1945 г. ГКО принял еще ряд постановлений, касавшихся репатриации советских граждан.

Информация о ходе выполнения постановления ГКО от 24 августа 1944 г. доводилась до высшего политического руководства. Так, в письме Л.П.Берии № 1089/б от 14 октября 1944 г., адресованном И.В.Сталину, В.М.Молотову и Г.М.Маленкову, сообщалось, что «за время работы созданных по решению ГОКО № 6457сс от 24 августа 1944 года проверочно-фильтрационных пунктов для пропуска возвращающихся на родину советских граждан, по разным причинам оказавшихся на территории Польши и Румынии, по состоянию на 10 октября 1944 года, принято и проверено – 12 286 человек». Здесь же указывалось их распределение по ПФП союзных республик: Украинская ССР – 5324, Белорусская – 4335, Молдавская – 2627 человек. Далее в этом письме Берия отмечал, что «из этого числа выдано разрешение и направлено к местам постоянного жительства – 7627 человек; отправлено для производства дальнейшей проверки в спецлагери НКВД – 94 человека; передано в военкоматы лиц призывного возраста 860 человек. Из числа проверяемых выявлено и арестовано немецких пособников, предателей и изменников родины – 27 человек»⁷.

Таким образом, опасения находившихся в Германии и других странах перемещенных лиц, что Советское правительство может не разрешить им вернуться на Родину, оказались напрасными. Советский Союз, понесший огромные людские потери, был остро заинтересован в их возвращении. Причем политическое руководство СССР задалось целью вернуть их всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была обязательной. Впоследствии принцип её добровольности, в виде исключения, был установлен только для двух категорий лиц, являвшихся к 22 июня 1941 г. подданными СССР: бессарабцев и буковинцев, принявших румынское подданство, и женщин, вышедших замуж за иностранцев и имевших от них детей.

4 октября 1944 г. СНК СССР принял постановление о назначении Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, его заместителей и помощников, а два дня спустя, 6 октября, – постановление об их деятельности⁸. Заместителями Ф.И.Голикова были утверждены генерал-полковник И.В.Смородинов и генерал-лейтенант К.Д.Голубев; причем Голиков одновременно являлся начальником Главного Управления Кадров (ГУК) Наркомата обороны СССР, а Смородинов – начальником Главного Управления Формирования (Главупраформа) Красной Армии. 23 октября того же года постановлением СНК СССР были утверждены штат Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и штат заграничных представителей этого нового ведомства⁹. Располагалось оно в Москве по адресу: Кропоткинский пер., д. 7. В соответствии с постановлением СНК СССР № 1600–476сс от 18 ноября 1944 г. финансирование Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации осуществлялось из резервного фонда СНК СССР¹⁰.

Репатриация советских граждан сразу же привлекла внимание отраслевых наркоматов как новый перспективный источник рабочей силы. Вот что говорилось в письме наркома авиационной промышленности СССР А.И.Шахурина на имя Ф.И.Голикова от 10 ноября 1944 г.: «Ряд ведущих и восстанавливаемых

⁷ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 385.

⁸ Там же. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 118.

⁹ Там же. Д. 1. Л. 22–23; Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 51. Л. 11–20.

¹⁰ Там же. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 55. Л. 60.

предприятий Наркомавиапрома испытывают недостаток в рабочей силе и не имеют возможности покрыть его за счет местного населения и других источников. В целях оказания помощи предприятиям в укомплектовании рабочими, прошу Вашего распоряжения о выделении Наркомавиапрому 5000 человек рабочих из числа возвращающихся в СССР из Германии и оккупированных ею стран советских граждан для направления их на предприятия»¹¹.

16 ноября 1944 г. Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации дало такой ответ А.И.Шахурину (за подписью К.Д.Голубева): «Распределением рабочей силы ведает только Госплан СССР (товарищ ВОЗНЕСЕНСКИЙ) от имени Правительства (ГОКО), куда и прошу обращаться»¹². Это было верное объяснение: распределением рабочей силы ведал именно Госплан СССР, а ведомство Ф.И.Голикова обязано было регулярно предоставлять туда, в Госплан, соответствующую статистику репатрируемых. Именно об этом шла речь в приведенном ниже специальном распоряжении СНК СССР от 15 ноября 1944 г.:

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 21407рс

от 15 ноября 1944 г. Москва, Кремль

В целях более полного учета и правильного использования трудовых ресурсов обязать Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран т. Голикова представлять два раза в месяц Председателю Госплана СССР (т. Вознесенскому) сведения о количестве граждан СССР, возвращающихся на родину в трудоспособном возрасте с указанием пола и районов, куда они направляются, для учета и использования их на производстве.

Сведениями пользоваться в Госплане СССР под личным контролем т. Вознесенского.

Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров Союза ССР

В.Молотов*

* ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 51. Л. 28.

¹¹ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

¹² Там же. Л. 15.

В комплекс задач, призванных способствовать репатриации, входила и проблема смягчения практики проверки и фильтрации освобожденных из вражеского плена советских военнослужащих. В октябре 1944 г. в письме № 1115/б Л.П.Берия объяснял В.М.Молотову ситуацию с проверкой военнопленных и окруженцев: «По вопросу организации и проверки военнослужащих Красной Армии, бывших в окружении и в плену, на сегодня действуют, не отмененные, постановления ГОКО № 1069сс от 27. XII – 1941 года и СНК СССР № 1166–344сс от 24. I – 1944 года, по которым все бывшие в окружении и в плену военнослужащие Красной Армии, через сборно-пересыльные пункты, поступают в спецлагери НКВД СССР на проверку, откуда проверенные передаются в военкоматы для отправки в Красную Армию и частично, в соответствии с наличием постановлений или распоряжений ГОКО, – на работу в промышленность». В данном письме Л.П.Берия предлагал кардинально изменить эту процедуру и впредь направлять основную массу военнопленных и окруженцев

по назначению Главупраформа Красной Армии», а в спецлагеря НКВД – только «всех служивших в немецкой армии, немецких спецформированиях и “власовцев”». В.М.Молотов поставил резолюцию: «Согласен. Следует внести соответствующий проект на утверждение ГОКО. В.Молотов. 21/X»¹³.

В конце октября 1944 г. был подготовлен соответствующий проект постановления ГКО, и в приложенных к нему предложениях Л.П.Берии (предварительно они были согласованы с Ф.И.Голиковым и И.В.Смородиновым) указывалось, что «в связи с утверждением положения об Уполномоченном по делам репатриации военнопленных из Германии и оккупированных ею стран, представляем на Ваше утверждение проект постановления ГОКО, по которому впредь все военнослужащие Красной Армии, освобожденные из плена советскими и союзными войсками, будут поступать в специальные запасные части военных округов по назначению Главупраформа НК. После проверки все, не вызывающие

¹³ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 231–232.

подозрений, направляются на пополнение частей Действующей Красной Армии. Выявленные при проверке лица из числа служивших в немецкой армии, специальных немецких формированиях, «власовцы», полицейские и другие, вызывающие подозрение, будут направляться в спецлагери НКВД СССР для их дальнейшей проверки». На документе имеется пометка: «Этот документ был передан на подпись товарищу Молотову и после подписания направлен товарищу СТАЛИНУ на утверждение. У нас в деле осталась копия без номера. По письму издано постановление ГОКО № 6884с от 4. 11. 44 г.»¹⁴.

До 1 октября 1944 г. через спецлагеря НКВД, организованные в соответствии с постановлением ГОКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г., прошли 354 592 военнопленных и окруженцев (из них

50 441 офицер). Результаты их проверки и фильтрации были следующие: 249 416 человек передано в Красную Армию (231 034 – в обычные части, 18 382 – в штрафные); 30 749 направлено в промышленность по специальным постановлениям ГОКО; 5924 – на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей: 11 556 – арестовано органами «Смерш»; 5347 – убыло в госпитали, лазареты и умерло. 1 октября 1944 г. в спецлагерях, переименованных в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), оставался в проверке 51 601 военнопленный и окруженец, в том числе 5657 офицеров¹⁵. В дальнейшем, в соответствии с приведенным выше постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 г., в спецлагеря (ПФЛ) стали направлять не всех подряд военнопленных и окруженцев, а только тех, кто вызывал серьезные подозрения.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 6884с от 4 ноября 1944 г. Москва, Кремль

В развитие постановления СНК СССР № 1482–456сс от 23.X.1944 г. Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Установить впредь следующий порядок направления бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками:

а) всех военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена советскими или союзными войсками, направлять, по мере их возвращения в Советский Союз, в специальные запасные части военных округов по назначению ГЛАВУПРАФОРМа НКО;

б) органам контрразведки «СМЕРШ» НКО в течение 1–2 месяцев заканчивать проверку в запасных частях всех прибывших в эти части бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии;

в) после проверки всех военнослужащих красноармейцев и командиров, не вызывающих подозрений, направлять на пополнение войск фронтов. Выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, в специальных строевых немецких формированиях, «власовцев», полицейских и других, вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагери по указанию НКВД для дальнейшей их проверки органами НКВД и «СМЕРШ» НКО.

2. Проверку бывших военнопленных офицеров впредь производить в специальных запасных частях НКО.

Всех офицеров, находящихся в спецлагерях НКВД СССР, а также прибывших из Финляндии, после проверки обратить на формирование штурмовых батальонов. Обязать органы «СМЕРШ» НКО до 1-го декабря 1944 г. закончить проверку этих офицеров.

3. Разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших в спецлагери НКВД СССР из Финляндии и 4 ноября с.г. из Англии, по окончании их проверки передавать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГа НКВД СССР.

Председатель Государственного
Комитета Оборона

И.СТАЛИН*

*) РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 330. Л. 225–226.

¹⁴ Там же. Л. 228.

¹⁵ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 53. Л. 28.

Однако те репатриированные военнопленные, которые поступили до выхода указанного постановления ГКО от 4 ноября 1944 г., в массовом порядке направлялись в спецлагери НКВД (в соответствии с прежней практикой). В письме № 1201/6 от 7 ноября 1944 г. Л.П.Берия информировал И.В.Сталина и В.М.Молотова, что «прием советских военнопленных и гражданских лиц из Финляндии, а также интернированных из Швеции – закончен». За время с 13 октября по 5 ноября 1944 г. на Выборгский сборный пункт НКВД прибыло 43 956 человек (43 040 – из Финляндии и 916 – из Швеции), в том числе один генерал, 1571 офицер, 4416 сержантов, 36 493 – рядовой состав и 1475 гражданских (среди последних было 317 мужчин, 550 женщин и 608 детей). Заканчивалось письмо так: «Все военнослужащие, за исключением больных и раненых, отправлены в спецлагери НКВД. Больные и раненые военнослужащие в количестве 1633 чел. размещены в Выборгском госпитале. Из числа прибывших гражданских лиц, после проверки отправлено к месту жительства – 1010 чел., остальные находятся в проверке на Выборгском и Сортавальском проверочно-фильтрационных пунктах»¹⁶.

Если еще в середине 1944 г. в спецлагерях НКВД совсем не было репатриантов, то к 31 декабря 1944 г. там в составе 96 417 человек спецконтингента их уже насчитывалось 31 585 (удельный вес – 32,8%), из них 23 955 поступили из Финляндии, 4470 – из Италии, 1347 – Франции, 533 – Швеции, 318 – Польши, 282 – Египта, 261 – Румынии, 195 – Германии, 153 – Венгрии, 41 – Греции, 27 – США, двое – из Дании и один – из Голландии. В составе находившихся 31 декабря 1944 г. в спецлагерях НКВД репатриантов было 28 518 военнопленных (743 – офицерский состав и 27 775 – рядовой и сержантский), относившихся к 1-й учетной группе, и 3067 гражданских лиц (2-я учетная группа)¹⁷. В дальнейшем численность и удельный вес репатриантов в составе содержащегося в спецлагерях (ПФЛ) спецконтингента неуклонно возрастали, и к середине 1945 г. они, репатрианты, стали составлять там подавляющее большинство.

В табл. 1 перечислены страны, из которых к концу 1944 г. поступили репатрианты, а именно: Финляндия, Румыния, Италия, Англия, Швеция, Болгария, Югославия, Чехословакия. Однако в той

их части, которая была направлена для более тщательной проверки в спецлагерь НКВД, упоминаются также репатрианты (правда, в относительно незначительном количестве) из Франции, Польши, Египта, Германии, Венгрии, Греции, США и (что совсем удивительно для конца 1944 г.) даже из Дании и Голландии. В источниках, которыми мы пользовались, нам не удалось найти объяснения этому весьма странному феномену.

В начале ноября 1944 г. Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика Советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»¹⁸. Интервью Ф.И. Голикова впоследствии использовалось как официальное обращение Правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам.

В середине ноября 1944 г. интервью Голикова было распространено среди советских граждан, освобожденных Красной Армией и войсками союзников. Его содержание вызвало вздох облегчения, хотя полностью не сняло всех мучивших людей вопросов. 20 ноября в сводке Управления репатриации отмечалось: «Интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, помещенное в печати 11.11.44 г., распространяется по лагерям и имеет благоприятные отзывы со стороны военнопленных и интернированных советских граждан как в Англии, Франции, Румынии, так и в других государствах»¹⁹. В конце 1944 г. представи-

¹⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 300.

¹⁷ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

¹⁸ Правда. 1944. 11 ноября.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

тели Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации сообщали из Франции: «Наши люди смотрят на этот документ как на свое спасение и не хотят с ним расстаться... Основной вопрос, который больше всего мучил большинство наших граждан – «что их ждет по возвращении домой», – становится теперь для них полностью разрешенным, и сейчас этот вопрос слышать почти не приходится»²⁰.

В конце 1944 – начале 1945 г. интервью было издано отдельной листовкой (общим тиражом свыше 2 млн экз.) и широко распространялось среди репатрируемых. Эти листовки даже сбрасывались с самолетов над германской территорией в тех районах, где, по данным разведки, наблюдалась значительная концентрация советских военнопленных и «восточных рабочих». Тогда же началась подготовка к выпуску серии брошюр для советских граждан, находившихся в плену или угнанных в Германию. Всего на русском языке было издано 19 названий общим тиражом 1,1 млн экз. Брошюры выходили также на украинском, белорусском, литовском, латышском и эстонском языках. В пропагандистской работе широко использовалась и наглядная агитация. Общий тираж специальных плакатов составил 105 тыс. экз.²¹

Интервью Ф.И.Голикова оказало позитивное действие и на общественное мнение внутри СССР, особенно содержащееся в нем следующее заявление: «Близок день полного и окончательного разгрома врага. Он будет радостным днем освобождения наших советских братьев и сестер. Все они найдут свое место на Родине среди бойцов, сражающихся с врагами на фронте, среди строителей нашего могучего государства. Перед советскими людьми, освобожденными из немецкого рабства, открываются широкие возможности вернуться в родные места и в свои семьи, заняться своим делом и беззаветно служить своему народу, своему Отечеству»²². Это заявление, в частности, отвечало чаяниям миллионов женщин, надеявшихся, что их пропавшие без вести мужья, братья, сыновья и отцы живы и находятся в плену, и для них, как это следовало из интервью Голикова, после освобождения из немецкого рабства открывались широкие возможности вернуться в свои семьи.

Вопреки распространенному убеждению, в политике руководства СССР не существовало отождествления понятий «пленные» и «предатели». К предателям относили тех, кто именно таковыми и являлись (полицаи, каратели, зондеркомандовцы, перебежчики, выпускники немецких разведывательно-диверсионных школ, завербованные противником агенты, чиновники оккупационной администрации и т.д.), а на основную массу советских перемещенных лиц (включая военнопленных) такой ярлык не вешался. Приписываемое И.В. Сталину выражение – «у нас нет пленных, у нас есть предатели» – является басней, сочиненной в 1956 г. в писательско-публицистической среде на волне критики культа личности Сталина. Эта басня имеет широкое хождение в публицистике, художественных фильмах и художественной литературе, но в научной литературе по указанной причине, естественно, не используется. Заметим также, что в уголовном законодательстве СССР не фигурировало такое «преступление», как «сдача в плен». В статье 193 тогдашнего Уголовного Кодекса РСФСР в перечне воинских преступлений было зафиксировано: «Сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой». И надо понимать, что понятия «сдача в плен» и «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» – это далеко не синонимы.

Несостоятельна легенда о том, что почти все репатрианты якобы были репрессированы. Подавляющее их большинство избежало каких-либо репрессий. Даже многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали.

Приведем характерный пример. Летом 1944 г. при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагеря на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие советские военнослужащие, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание – смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, но, тем не менее, поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 г. 9907 репатриантов

²⁰ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–56.

²¹ Там же. Оп. 4а. Д. 1. Л. 127–130.

²² Правда. 1944. 11 ноября.

на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября²³. Среди них высказывались предположения, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные советские представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 г. большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Авторы, критикующие англо-американцев за насильственную выдачу Советскому Союзу этих людей, не улавливают одну тонкость в тогдашней психологии и мышлении английских и американских политиков и чиновников. А эта тонкость заключалась в том, что отнюдь не исключалась гипотеза, согласно которой попавшие к ним в плен в немецкой военной форме бывшие советские подданные на самом деле являются людьми Сталина и выполняют какую-то роль в его хитрой игре. Отсюда естественно рождалось стремление побыстрее очистить от них Западную Европу, а самый простой способ решения этой задачи был очевиден – вернуть их всех Сталину. Позднее англо-американцы в какой-то мере отрешились от указанных подозрений, но до этого успели выдать советским властям немало активных противников большевизма и советской власти.

Советское руководство беспокоило сам факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан. Еще сильнее оно опасалось того, что англичане и американцы могут предоставить им (или какой-то их части) статус политических беженцев и, хуже того, использовать впоследствии в антисоветских целях. Исходя из этого, а также чтобы перемещенные лица не боялись возвращения в СССР, советское руководство (во многом вразрез со своими прежними принципами) пошло на значительную либерализацию своей политики в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц, вплоть до обещания непривлечения к уголовной ответственности тех из них, кто поступил на военную службу к противнику. При этом подразумевалось, что эти последние совершили действия, противные интересам СССР, в результате

германского насилия и террора. Это относилось и к упомянутым выше лицам, прибывшим 6 ноября 1944 г. в Мурманск, так как было известно, что они в массе своей поступили на военную службу к противнику, не выдержав пытки голодом и жестокого режима в гитлеровских лагерях.

В докладной записке старшего инструктора Политпросветотдела Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Тихомирова на имя начальника этого отдела Г.С.Логунова от 4 декабря 1944 г. были отмечены основные вопросы, задаваемые репатрированными военнопленными: являемся ли мы гражданами СССР; почему нас держат за решетками; будут ли нам предоставлены возможности вернуться в Красную Армию; как выяснить местопребывание семьи и возможно ли установить с ней связь; будет ли разбираться вопрос о партийности тех, у кого сохранились партийные билеты, и тех, кто ранее состоял в ВКП(б) и в ВЛКСМ; можно ли получить правительственную награду за участие ранее (до попадания в плен) в боях; будут ли приниматься во внимание имеющиеся на руках документы, доказывающие участие в партизанских отрядах на территории европейских государств²⁴. К сожалению, в этом документе не сказано, какие ответы давались на все эти вопросы. Ясно, что на первый из указанных выше вопросов следовал четкий ответ: да, все вы являетесь гражданами СССР.

Те военнопленные, которые служили в немецкой армии и созданных немцами коллаборационистских формированиях, тщательно избегали задавать мучивший их вопрос: что нам будет за военную службу у немцев? К тому же, судя по их поведению, многие из них рассчитывали скрыть этот факт в своей биографии, особенно не надеясь на присутствующее в интервью Ф.И.Голикова обещание непривлечения их к ответственности.

Вообще-то при первом соприкосновении репатриантов (как военнопленных, так и гражданских) с советскими должностными лицами в то время, когда война еще не закончилась (в конце 1944 г. и первые месяцы 1945 г.), спектр задаваемых ими, репатриантами, вопросов был весьма обширен. Довольно часто задавались следующие вопросы: как работают наши заводы и фабрики; сколько можно заработать на заводе и в колхозе; распущены ли в СССР колхозы; открыты ли в СССР церкви; как здоровье товарища Сталина; в каком состоянии Москва и Ленинград; сколько стоит хлеб на рын-

²³ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11; Д. 22. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 3а, 4.

ке; продают ли в СССР табак и папиросы; почему в Красной Армии введены погоны; как живут рабочие и колхозники; почему еще воюет Германия; какую помощь нам оказывают союзники... и масса других вопросов²⁵.

В отдельных случаях на правительственном уровне положительно решался вопрос об оказании находящимся за границей советским гражданам, подлежащим репатриации, соответствующей материальной помощи. Приведем такой пример. 22 ноября 1944 г. зам. наркома иностранных дел СССР В.Г.Деканозов писал в СНК СССР: «Посол СССР во Франции тов. Богомоллов сообщает, что советские военнопленные и сов. граждане, завезенные немцами во Францию, нуждаются в материальной помощи. На выдачу единовременных пособий советским военнопленным и сов. гражданам тов. Богомоллов просит ассигновать 2 000 000 франков. Поддерживая ходатайство Посла СССР во Франции тов. Богомоллова, Народный Комиссариат Иностранных Дел Союза ССР просит СНК СССР разрешить израсходовать на указанные цели 2 000 000 франков и обязать НКФ СССР ассигновать эту сумму НКВД СССР»²⁶. По этому поводу 24 ноября того же года нарком финансов СССР А.Г.Зверев писал Н.А.Вознесенскому: «НКФ СССР не возражает против отпуска НКВД СССР 2 000 000 французских франков для оказания единовременной помощи советским военнослужащим и гражданам во Франции»²⁷. В результате 30 ноября 1944 г. вышло специальное распоряжение СНК СССР следующего содержания:

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 22142рс

от 30 ноября 1944 г. Москва, Кремль

Обязать Наркомфин СССР выделить Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР дополнительно к смете на 1944 год 2 000 000 французских франков на расходы по оказанию материальной помощи советским гражданам во Франции, подлежащим репатриации.

Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров Союза ССР В.Молотов*

*) ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 326. Л. 8.

Советским органам репатриации постоянно приходилось реагировать на всякие неожиданные проблемы и коллизии. Так, уже осенью 1944 г. выяснилось, что многие гражданские репатрианты везут с собой из Финляндии и Румынии коров, овец, свиней и прочую домашнюю скотину. Например, только ингерманландцы при репатриации из Финляндии за период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. провезли через Выборгский приемный пункт 4763 коровы, 1175 овец, 66 лошадей, 48 свиней и 377 кроликов²⁸.

В свете этого в ведомстве Ф.И.Голикова с самого начала болезненно реагировали на сообщения с румынской границы о том, что на пограничных КПП (контрольно-пропускных пунктах) у репатриантов конфисковывается скот. Такая практика могла серьезно повредить процессу репатриации. В декабре 1944 г. Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации обращалось в Отдел спецлагерей НКВД СССР и Наркомат иностранных дел СССР с просьбой дать соответствующие указания о беспрепятственном пропуске скота репатрируемых в связи с имеющимися сообщениями о том, что «у возвращающихся в СССР из Румынии репатриантов на пограничных КПП отбирается безвозмездно их скот»²⁹.

В целях защиты репатриантов от грабежей и насилий необходима была вооруженная охрана как в различных сборных пунктах, так и при сопровождении их к государственной границе СССР. Так, 14 ноября 1944 г. один из офицеров, отвечавших за выявление, учет и репатриацию советских граждан в Румынии, писал в Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации на имя К.Д.Голубева: «Прошу Вашего разрешения о двух взводах для целей охраны и сопровождения эшелонов с возвращающимися на родину советскими гражданами, так как имеются случаи ограбления сов[етских] граждан лицами из проходящих воинских эшелонов...»³⁰. Это только один из примеров того, к каким печальным последствиям приводило отсутствие вооруженной охраны. Надо понимать, что репатрианты – это люди безоружные; они в общем-то были беззащитны (если не было вооруженной охраны) перед возможным нападением на них всякого рода шаек вооруженных грабителей, бандитов и мародеров. В свете этого было предель-

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 326. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 83. Л. 79.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 32.

³⁰ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 9. Л. 39.

но ясно, что для защиты репатриантов (и в лагерях, и в сборных пунктах, и при транспортировке) необходима вооруженная охрана. Мы вынуждены так детально приводить эти очевидные истины, поскольку факт существования вооруженной охраны для защиты репатриантов впоследствии был использован антисоветчиками при сочинении мифа о некоем массовом репрессировании советских перемещенных лиц.

Мы считаем своим долгом развеять имевший хождение в западной литературе миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты и лагеря. Причем ни разу не было приведено какого-нибудь бесспорного доказательства, и эта версия целиком строилась на всякого рода предположениях, домыслах и слухах, которые даже косвенными уликами признать сложно. Особенно преуспел в этом мифотворчестве Н. Толстой в своей вышедшей в 1977 г. на английском языке книге «Жертвы Ялты» (переведена на русский язык в 1988 г.). Сочиненные им басни о «расстрельных списках» и «расстрелах» подчас имели такую видимость правдоподобия, что даже видные профессиональные историки М. Геллер и А. Некрич попались на эту удочку и, ссылаясь на Н. Толстого, вполне серьезно написали: «Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках»³¹. Разумеется, это утверждение бездоказательное и, более того, не соответствующее истине. Нами изучен весьма большой массив источников по проблеме репатриации советских граждан – достаточный для того, чтобы твердо заявить: «расстрельных списков» не существовало, это – миф! Для примера приведем ситуацию с распределением 9907 репатриантов, поступивших 6 ноября 1944 г. в Мурманск: 18 человек арестованы органами СМЕРШ (но не для расстрела, а для ведения следствия), 81 больной помещен в мурманские госпитали и все остальные (естественно, живыми) направлены по двум адресам – в Таллиннский спецлагерь (ПФЛ) № 0316 и Зашеекский проверочно-фильтрационный пункт (ПФП) в Карело-Финской ССР³².

Факты, которыми мы располагаем, говорят о том, что встречи в портах передаваемых союзниками советских перемещенных лиц (даже если это

были коллаборационисты) были выдержаны в достаточно политкорректном духе. Так, в донесении Политпросветотдела ведомства Ф.И. Голикова от 28 ноября 1944 г. о характере встречи прибывших 6 ноября в Мурманск репатриантов говорилось следующее: «Разгрузка проведена организованно. Одна из рот военнопленных прибыла с оркестром и двумя Красными знаменами. При встрече прибывших работали 15 пропагандистов Мурманского обкома партии, два представителя Политпросветотдела и 10 офицеров Управления по делам репатриации. С прибывшими проведены коллективные читки доклада и приказа № 220 товарища СТАЛИНА о 27 годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции. Состоялся митинг. Распространено 8000 экз. газет и 3100 экз. разных брошюр. По инициативе прибывших начался сбор средств на танковую колонну Красной Армии. Собран 17 061 рубль»³³.

Практика показала, что внедрить в сознание союзников идею обязательной репатриации советских перемещенных лиц оказалось не так уж трудно. На состоявшейся 16 октября 1944 г. в Кремле встрече министра иностранных дел Великобритании А. Идена с В.М. Молотовым эта проблема обсуждалась фактически в атмосфере полного взаимопонимания. На поставленный Молотовым вопрос «Признаёт ли Британское правительство право за всеми советскими гражданами возвратиться на Родину?» Иден ответил утвердительно. В ходе беседы Молотов заметил, что некоторые советские граждане могут не захотеть вернуться, потому что помогали немцам, и далее произнес фразу, содержание которой в свете последующих событий приняло характер аксиомы: «Желание или нежелание отдельных граждан не может изменить принципа, что все советские граждане без исключения должны быть возвращены на Родину»³⁴.

В конце 1944 г. иногда имели место острые политические выпады отдельных антисоветски настроенных перемещенных лиц, уверенных, что англо-американцы их не выдадут, при общении с официальными советскими представителями. Приведем такой пример. В ноябре-декабре 1944 г. в Англии появились новые партии военнопленных, являвшихся на самом деле подданными СССР и взятыми англичанами в плен в немецкой военной

³¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1986. С. 498.

³² ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11.

³³ Там же. Д. 4. Л. 16.

³⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1983. Т. 2. С. 193–194.

форме. Англичане разрешили допуск офицеров советских органов репатриации в лагерь с такими лицами. В письме К.Д.Голубева (декабрь 1944 г.) на имя зам. наркома иностранных дел СССР В.Г.Деканозова приводится такой эпизод: «...Во время беседы нашего офицера со всем лагерем один из советских граждан, находящийся в лагере, – Чернышук Ф. из строя выкрикнул: “Вы можете не считать нас советскими людьми, мы боролись против большевиков”. На этот вопрос из строя ответили: “Ты отвечай за себя, за всех не говори”. В лагере слушалась немецкая пропаганда на русском языке и в частности 16 условий предателя Власова. На основании этого тот же Чернышук заявил: “Параллельно с Советским правительством имеется правительство Власова – и еще неизвестно, чья возьмет”...»³⁵.

Такие откровенные высказывания (тот же Чернышук двумя своими репликами «обеспечил» себе, как минимум, 10 лет лагерей по 58-й статье) проистекали из непонимания и незнания того, что англичане намерены их всех выдать Сталину. Эти люди были настроены на невозвращение в СССР и питали иллюзии, что англичане их не выдадут. Напоминаем, что это было в конце 1944 г., т.е. еще до Ялтинских соглашений, и тогда еще не всем было ясно, что англо-американцы будут придерживаться принципа насильственной репатриации советских граждан (включая и таких, как и упомянутый выше Чернышук).

Советские представители, допущенные англичанами и американцами в лагерь с советскими перемещенными лицами, составляли на последних учетные карточки, на которых, кроме указания необходимым установочных данных (фамилия, имя, отчество и т.д.), нередко ставили и «особые пометки». Например, в американском порту Портленд в конце декабря 1944 г. было подготовлено к отправке в СССР (во Владивосток) почти 1200 советских граждан (в основном это были коллаборационисты, захваченные американцами в плен во Франции в немецкой военной форме и вывезенные в качестве военнопленных в США), и на учетных карточках некоторых из них советские представители сделали такие «особые пометки»: «К», «НЖ», «ЗНЖ», «НЕ ЯВ». Расшифровывались они следующим образом: «К» – колебался или боялся возвращаться; «НЖ» – не хотел возвращаться из-за боязни ответственности за то, что был в плену, и за поведение в плену; «ЗНЖ» – не только не хотел возвращаться, но и других агитировал за это и вел

антисоветские разговоры; «НЕ ЯВ» – не явился для заполнения карточки, что свидетельствует о нежелании вернуться в СССР³⁶.

Летом и осенью 1944 г. во время наступления союзников на территории Франции, Бельгии, Италии отдельные оказавшиеся там советские военнопленные и «восточные рабочие» вступали добровольцами в ряды английской, американской, французской, канадской армий. Причем речь идет о тысячах людей. Так, в ноябре 1944 г. по сведениям, полученным Управлением Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от представителя военного министерства Англии, на службе в британской армии находились тогда 2859 человек, которые заявляли, что считают себя советскими гражданами³⁷.

О том, что репатриация оказавшихся за пределами СССР советских граждан должна быть обязательной, советские дипломатические службы были поставлены в известность еще в конце 1944 г. Так, в письме К.Д.Голубева № КО-5619 от 30 декабря 1944 г. на имя зав. консульским отделом Наркомата иностранных дел СССР В.А.Беляева отмечалось: «Все советские граждане, в каких бы иностранных государствах они в результате войны не находились, подлежат возвращению на Родину, в чем со стороны консулов и прочих дипломатических лиц и органов СССР должно быть оказано содействие. Прочие лица, белогвардейцы и другие, репатриации не подлежат. Вопрос о их возвращении решается общим порядком»³⁸.

Союзники передавали Советскому Союзу перемещенных лиц, как правило, привозя их на кораблях в советские морские порты (Мурманск, Одесса и др.). В документах иногда встречаются явные недоразумения при названии стран, из которых в советские порты поступали эти люди. Например, в декадных статистических сводках органов репатриации за 10 и 19 ноября 1944 г. упоминаются «репатриированные из Египта» (см. табл. 1), хотя на самом деле в этой стране советских перемещенных лиц тогда не было. Египет служил перевалочной базой при транспортировке союзниками советских репатриантов в основном из Италии. Поэтому уже в сводке от 30 ноября 1944 г. ошибочное упоминание о «репатриантах из Египта» исчезает и вместо него констатируется совершенно правильный факт наличия репатриантов из Италии.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 12.

³⁷ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

³⁸ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 14. Л. 41.

³⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 15. Л. 70–72.

Динамика репатриации граждан СССР из стран мира
(31 октября – 30 декабря 1944 г.)*

Даты	Страны	Всего репатрировано (чел.)	в том числе	
			военнопленные	гражданские
1	2	3	4	5
31.10.1944	Финляндия	31 627	29 990	1637
	Румыния	7482	–	7482
	Швеция	916	916	–
	Итого:	40 025	30 906	9119
10.11.1944	Финляндия	43 043	41 402	1641
	Румыния	26 193	–	26 193
	Англия	9907	8334	1573
	Швеция	928	928	–
	Египет	271	271	–
	Итого:	80 342	50 935	29 407
19.11.1944	Финляндия	43 448	41 807	1641
	Румыния	29 612	–	29 612
	Англия	9907	8334	1573
	Швеция	1093	1093	–
	Египет	271	271	–
	Итого:	84 331	51 505	32 826
30.11.1944	Финляндия	43 910	42 269	1641
	Румыния	31 324	–	31 324
	Италия	6620	6620	–
	Англия	9907	8334	1573
	Швеция	1093	1093	–
	Итого:	92 854	58 316	34 538
10.12.1944	Финляндия	48 253	42 269	5984
	Румыния	32 614	–	32 614
	Италия	7215	7215	–
	Англия	9907	8334	1573
	Швеция	1170	1153	17
	Итого:	99 159	58 971	40 188
20.12.1944	Финляндия	61 354	42 334	19 020
	Румыния	36 772	–	36 772
	Италия	7215	7215	–
	Англия	9907	8334	1573
	Швеция	1216	1199	17
Итого:	116 464	59 082	57 382	
30.12.1944	Финляндия	73 754	42 334	31 420
	Румыния	68 068	28 799	39 269
	Италия	7215	7215	–
	Англия	9907	8334	1573
	Швеция	1289	1263	26
	Болгария	629	629	–
	Югославия	706	706	–
	Чехословакия	835	240	595
	Итого:	162 403	89 520	72 883

*) ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 4, 5, 9, 13, 18, 28, 33, 38, 43, 49, 55, 60, 65, 70, 75, 82.

С октября 1944 г. в войсках Красной Армии стали формироваться органы репатриации, перед которыми стояла задача собрать советских людей.

Командующими фронтов, в развитие директив Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, по войскам были изданы приказы, обяза-

вавшие решать эти задачи наряду с выполнением боевых задач. В начальный период проведения репатриации для сбора, обслуживания и подготовки к отправке на родину освобожденных из вражеской неволи советских граждан были использованы имеющиеся армейские сборно-пересыльные пункты (СПП) и вновь сформированные фронтовые СПП, по одному на фронт. В армейские СПП направлялись бывшие военнопленные, во фронтовые СПП – все остальные граждане СССР. В первый период репатриации (октябрь 1944 – январь 1945) армейские СПП, двигавшиеся за передовыми частями Красной Армии, приняли на себя всю тяжесть работы. В них поступали бывшие военнопленные, а также и гражданские лица, в дальнейшем направляемые во фронтовые СПП³⁹.

Для оповещения освобожденных советских граждан о местах сбора их и направлении на родину были привлечены передовые фронтовые части, части охраны фронтового тыла, дорожные части фронтов и армий, коменданты городов и поселков и местная администрация. Сбор и оповещение советских граждан осуществлялись различными методами. В населенные пункты, расположенные в полосе фронта, направлялись представители органов репатриации. Просматривались леса, вывешивались объявления о пунктах сбора, на дорогах устанавливались указатели, использовалась местная пресса, а в отдельные районы с самолетов сбрасывались листовки. Сопровождение репатриантов в ПФП и их охрана в пути следования осуществлялись силами взводов охраны, сформированных при каждом фронтовом СПП в составе 24 военнослужащих, а также военнослужащими, выделяемыми воинскими частями, под руководством офицеров органов репатриации⁴⁰.

В процессе выявления советских граждан в различных европейских странах приходилось преодолевать всякие трудности и препятствия. Например, весьма непросто оказалось организовать выявление и репатриацию советских перемещенных лиц, которых по разным причинам судьба забросила в Грецию. В сводке Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 1 декабря 1944 г. отмечалось: «Греция. Английские военные власти отказываются от организации сборных пунктов на территории Греции для наших людей. Отмечается также неприязненное отношение гре-

ческих местных властей к мероприятиям наших представителей»⁴¹. В сводке от 10 декабря 1944 г. констатировалось то же самое: «Греция. Английское командование отказалось предоставить пункты для сбора наших людей, ссылаясь на то, что это обязаны сделать греческие власти»⁴².

Гораздо более сложной и запутанной оказалась проблема репатриации советских женщин, вступивших в законный брак с иностранцами и имевших соответствующие брачные свидетельства. В Управлении Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации с самого начала его деятельности негативно относились к идее возвращения в СССР лиц с членами семей-иностранцами. 11 ноября 1944 г. К.Д.Голубев направил заместителям наркомов иностранных дел и внутренних дел В.Г.Деканозову и В.В.Чернышову письмо следующего содержания:

«Из Финляндии и Румынии поступают сведения, что некоторые из наших людей, из числа интернированных граждан, будучи на территории Финляндии и Румынии, поженились, а женщины повыходили замуж и обзавелись семьями (появились дети).

К нашим представителям поступают однако заявления от указанных лиц с просьбой возвратиться в СССР с членами семьи, приобретенными на территории иностранных государств.

По данному вопросу требуется Ваше мнение.

Со своей стороны считаем, что возвращение такого рода семей в СССР нежелательно, так как является лишним каналом для проникновения вражеских элементов. Потеря же здесь у нас невелика, так как эти случаи почти единичны.

Данный вопрос прошу доложить на решение товарищу МОЛОТОВУ»⁴³.

Вся дальнейшая политика в данном вопросе строилась в духе содержания приведенного выше письма К.Д.Голубева.

Когда осенью 1944 г. при фронтах образовывались СПП для приема и содержания репатрируемых советских граждан, то тогда не было ясности в вопросе о нормах их продовольственного довольствия. Правда, в приведенном постановлении ГКО от 24 августа 1944 г. говорилось о нормах ГУЛАГа, но применительно к КПП и ПФП, а фронтовые СПП не упоминались, поскольку таковых тогда, в конце августа

⁴¹ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

⁴² Там же. Л. 19.

⁴³ Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 14. Л. 8.

1944 г., еще не существовало. В отдельных случаях тыловые службы Красной Армии в своих приказах обязывали довольствовать советских граждан, возвращающихся на Родину через СПП, по армейской норме питания № 4 (по этой норме довольствовались солдаты тыловых воинских частей). Так, 14 декабря 1944 г. зам. начальника Тыла Красной Армии Виноградов писал на имя К.Д.Голубева (копия письма – В.В.Чернышову): «2 декабря с.г. шифртелеграммой № 8089 начальнику тыла 3 Белорусского фронта приказано довольствовать советских граждан, возвращающихся на Родину, по норме № 4 приказа НКО № 312 – 1941 года»⁴⁴.

Факты выявления и ареста ряда активных коллаборационистов доводились до сведения И.В.Сталина (видимо, его это интересовало). Так, в письме № 1233/6 от 15 ноября 1944 г. Л.П.Берия информировал И.В.Сталина, В.М.Молотова и Г.М.Маленкова, что среди советских граждан, находящихся в Болгарии, выявлены и арестованы бывший бургомистр г. Николаева Ползунов и бывший начальник городской полиции Феодосии Каламбетов⁴⁵. Приведем еще один пример такого рода. В Высоколитовском проверочно-фильтрационном пункте (ПФП) был арестован репатриант Е.П.Федорчук – выяснилось, что это тайный агент полиции по кличке «Спичка», занимавшийся при немцах розыском коммунистов, комсомольцев и партизан. Об этом случае Берия упомянул в своем письме № 1354/6 от 14 декабря 1944 г., адресованном Сталину, Молотову и Маленкову⁴⁶.

Только за время до 30 декабря 1944 г. опергруппы ПФП (не путать с ПФЛ) проверили 30 876 репатриантов. Из этого числа было разоблачено 714 человек, которые по «окраскам» распределялись так: 55 агентов германских разведорганов, 51 агент гестапо, 37 агентов румынской сигуранцы, 120 украинских националистов (оуновцев) и участников прочих националистических организаций, 194 предателя и изменника, 257 работников полиции и др.⁴⁷

В относительно короткие сроки (декабрь 1944 г. и первая половина января 1945 г.) удалось репатриировать подавляющее большинство находившихся в Финляндии коренных жителей Ленинградской области – ингерманландцев. Последние оказались в Финляндии при следующих обстоя-

тельствах. В 1943–1944 гг. по приказу немецко-фашистского командования происходила тотальная «эвакуация» населения Ленинградской области. Ингерманландцы вынуждены были покинуть свои селения и оказались в Эстонии, где были поставлены перед выбором: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Они предпочли Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией началась массовая репатриация этих лиц в СССР. По постановлению ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г. «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения» они направлялись на постоянное жительство в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области⁴⁸. Всего к 16 января 1945 г. в указанных областях было расселено 55 650 репатриированных ингерманландцев⁴⁹.

По каким причинам так решили поступить с ингерманландцами – об этом в постановлении ГКО от 19 ноября 1944 г. не говорилось. Ясно, что их хотели поселить подальше от Ленинграда и от государственной границы СССР с Финляндией. Однако степень якобы исходившей от них какой-то потенциальной «неблагонадежности» была явно преувеличена. Ингерманландцы – народ финского корня, сохранявший, конечно, духовную связь с Финляндией, но за время многовекового сосуществования со славянами сильно обрусевший. Они были двуязычны – говорили на своем родном языке (диалект финского языка) и по-русски (практически без акцента). В принципе они мало чем отличались от русского населения в той же Ленинградской области, и, по всем здравым рассуждениям, их следовало, конечно, вернуть в родные места, а не направлять в другие области.

Морально-психологическое состояние ингерманландцев накануне репатриации из Финляндии, когда они еще не знали, что их не направят в родные селения в Ленинградской области, не вызывало у общавшихся с ними официальных советских представителей каких-либо серьезных подозрений и сомнений. Напротив, по своему характеру и особенностям поведение подлежавших репатриации ингерманландцев вполне укладывалось в рамки

⁴⁴ Там же. Д. 23. Л. 40.

⁴⁵ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 357–358.

⁴⁶ Там же. Д. 68. Л. 136.

⁴⁷ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 20. Л. 32.

⁴⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 333. Л. 99–104; Сталинские депортации. 1928–1953 /Сост.: Н.Л.Поболь, П.М.Полян. М., 2005. С. 610–613.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 2. Д. 83. Л. 70; Оп. 3. Д. 54. Л. 5.

тогдашней ментальности основной массы советского народа. Еще во время нахождения на сборных пунктах в Финляндии из их среды исходили патристические инициативы по сбору средств в фонд обороны Родины. Так, в донесении представителя ГлавПУРККА (Главного Политического Управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии) полковника Егорова на имя начальника Управления кадров ГлавПУРККА генерал-лейтенанта Пупышева от 15 декабря 1944 г., в частности, отмечалось: «...Была попытка наших граждан начать сбор на постройку танковой колонны "ИНГЕРМАНЛАНДЕЦ", но мы эти мероприятия запретили, так как считаем, что в условиях Финляндии их проводить нецелесообразно, во избежание разных кривотолков среди финнов...»⁵⁰. Мы приводим эту информацию в основном для подтверждения своей мысли о том, что якобы исходившая от ингерманландцев какая-то «опасность», из-за чего их нельзя было возвращать в Ленинградскую область, была больше придуманной, нежели реальной.

Из табл. 1 видно, что к концу 1944 г. из различных стран было репатрировано 162 403 советских перемещенных лиц. Однако органы репатриации учитывали как «репатриантов» и тех советских граждан (как гражданских лиц, так и военнопленных), которые вследствие войны по разным причинам оказались на территории Литвы, Латвии, Эстонии и других западных регионов СССР. Поскольку последние не были за пределами государственной границы СССР, то ни юридически, ни фактически они не являлись репатриантами. Их правильнее называть *внутренними перемещенными лицами*. Всего, по статистике ведомства Ф.И.Голикова, к 30 декабря 1944 г. было якобы «репатрировано» 1 050 398 советских граждан, но из них 887 995 человек (84,5%) являлись именно внутренними перемещенными лицами⁵¹, а только означенные 162 403 человека (15,5%) – настоящими репатриантами.

Надо сказать, что в период немецкой оккупации внутренние перемещенные лица являлись объектом безжалостной эксплуатации не только со стороны гитлеровцев, но в ряде случаев и со стороны зажиточных слоев местного «западнического» населения. Например, в донесении Политпросветотдела Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 28 ноября 1944 г.

на имя Ф.И. Голикова говорилось: «В Литве много советских граждан из Ленинградской области, насильно вывезенных немцами, работали у кулаков. "Хозяева" более года не оплачивали труд и сейчас платить отказываются»⁵².

Таким образом, понятно, что включенные ведомством Ф.И.Голикова в общее число «репатриантов» люди, которых мы называем внутренними перемещенными лицами, были выявлены на бывшей оккупированной советской территории и не находились за пределами СССР. И тут выясняется, что, оказывается, и советские граждане, выявленные на территории Польши между «линией Керзона» и Вислой, тоже включены в число установленных на бывшей оккупированной советской территории и вычленив их теперь не представляется возможным. Впервые репатрианты из Польши представлены в сводках органов репатриации только с 1 февраля 1945 г., когда Красная Армия и Войско Польское вели наступление на территории Польши к западу от Вислы. Это означает, что советские граждане, возвращенные в последние месяцы 1944 г. в СССР из той части Польши, которая находилась между «линией Керзона» и Вислой, не считались побывавшими за границей и, следовательно, «ошибочно» не попали в особые учеты органов НКВД-НКГБ на репатриантов. В связи с этим возникает вопрос: а стоит ли нам задним числом исправлять эту «ошибку»? По нашему мнению, пусть эти люди так и остаются якобы выявленными на бывшей оккупированной территории СССР.

Вообще-то на территории Польши к востоку от Вислы не могло быть большого количества советских перемещенных лиц. Если там при немцах и присутствовали советские военнопленные и «восточные рабочие», то в весьма незначительном числе. Но тысячи советских граждан там всё-таки были – это в основном угнанные летом 1944 г. с оккупированной советской территории гражданские лица и брошенные здесь немцами при их поспешном отступлении за Вислу.

Процесс репатриации советских перемещенных лиц, начавшийся с августа-сентября 1944 г., происходил также в течение последующих ряда лет. В силу соответствующих объективных причин доля репатриированных в 1944 г. была относительно незначительной. По статистике ведомства Ф.И.Голикова, в период с 1944 г. до 1 июля 1952 г. из Германии и других стран было репатриировано 4 305 035 советских граждан (это настоящие репатрианты, без

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.

⁵¹ Там же. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 4, 8, 12, 28, 33, 38, 43, 49, 55, 60, 65, 70, 75, 79, 82, 88; Д. 22. Л. 1, 7, 9, 13.

⁵² Там же. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

учета внутренних перемещенных лиц)⁵³, и удельный вес репатриированных в 1944 г. (162 403 человека) составлял только 3,8%. Однако именно в 1944 г. были созданы необходимые предпосылки того, чтобы в дальнейшем указанный процесс принял необратимый и более масштабный характер.

Мы не можем согласиться с распространенной в литературе и публицистике трактовкой репатри-

ации советских граждан исключительно как якобы нарушения прав человека или даже гуманитарного преступления. По нашему убеждению, в основе этого процесса, несмотря на все имевшие место издержки и негативные явления, лежала естественная и волнующая эпопея **обретения Родины** большими массами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
2. Правда. 1944. 11 ноября.
3. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1986.
4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1983. Т. 2.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 333.
6. Сталинские депортации. 1928–1953 /Сост.: Н.Л.Поболь, П.М.Полян. М., 2005. С. 610–613.
7. А. Д. Шутов Беловежские соглашения и геополитические позиции России // Национальная безопасность/nota bene. – 2012. – 3. – С. 17–22.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF).
2. Pravda. 1944. 11 noyabrya.
3. Geller M., Nekrich A. Utopiya u vlasti: Istoriya Sovetskogo Soyuzs s 1917 goda do nashikh dnei. London, 1986.
4. Sovetsko-angliiskie otnosheniya vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy. M., 1983. T. 2.
5. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 333.
6. Stalinskie deportatsii. 1928–1953 /Sost.: N.L.Pobol', P.M.Polyan. M., 2005. S. 610–613.
7. A. D. Shutov Belovezhskie soglasheniya i geopoliticheskie pozitsii Rossii // Natsional'naya bezopasnost'/nota bene. – 2012. – 3. – S. 17–22.

⁵³ Там же. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 77.